

Комнату площадью в десять метров покрывал деревянный пол и коричневые обои.

Это кухня.

Просвет на белой крыше пропускал лучи полуденного солнца. У стены стояли раковина, плита и холодильник. За столом в центре обедали три человека.

На восточной стороне стола рядом с входом сидели две девушки. Их звали Микоку и Сино.

На западе рядом с холодильником сидел пожилой араб. Его звали Хаджи.

Его левый глаз прикрывала белая повязка, и он держал в левой руке газету. А в его правой руке...

— Не рановато ли для выпивки, отец? — спросила Микоку.

Он отвернул взгляд от стакана в руке и сосредоточился на ней.

Микоку взирала на него, поедая пасту, приправленную одним лишь оливковым маслом.

— А в чем дело, Микоку? Всё так же, как и всегда.

Хаджи знал, о чем говорит, указывая на то, что Микоку ведет себя не как обычно.

— У тебя есть какая-то просьба для Сино? Есть, разве нет? Хм?

— Мм... Ты как всегда наблюдателен. Сино.

— Э? Ох, да, — Сино не прикасалась к пасте, стоящей перед ней на тарелке. — Ну-у, отец. У меня к тебе просьба.

— Какая же? Я сделаю все, что в моих силах, — после чего, Хаджи принялся размышлять, с рукой, сжимающей газету. — Ты бы не могла чуток подождать? Давненько у нас уже не было подобного разговора, поэтому мне бы хотелось сохранить атмосферу настоящего семейства и догадаться, чего же ты хочешь. Посмотрим...

— Ты знаешь?

— Да, — Хаджи тут же кивнул. — Ты, наверное, влюбилась?! Хм? Это оно, разве нет? Я завидую этому парню. Ха-ха-ха, — рассмеялся он. — Я сожгу его на костре!

— Это запрещено в Японии, отец. И Сино совсем не такая.

— Кха! Ты непроницаема как всегда, Микоку.

Похоже, его догадка оказалась ошибочной, поэтому Хаджи прикрыл рот рукой.

— Я пошутил. Это была лишь первая попытка, потому она не считается, хорошо? В следующий раз будет взаправду.

— Ты все равно не сможешь догадаться, так что давай быстрее.

Хаджи проигнорировал Микоку и задумался на целую минуту. Однако...

...Я не знаю.

Он начал потеть.

...Непорядок. Думай сильнее.

С едой в последнее время проблем не было.

Сино сама ходила за покупками и предложила готовить по очереди, поскольку блюда Микоку обладали лишь тремя вариациями: жареные, вареные, и сырые.

Разве было что-нибудь еще?

— ...

С другой стороны стола, Микоку прыснула на свою оливковую пасту соевым соусом.

— Судя по всему, бывший генерал 9-го Гира не знает, как совладать с семейными вопросами. Вполне возможно, это просто профессиональная некомпетентность.

— П-погоди, Микоку. Не нужно недооценивать своего отца.

— Так дай же мне ответ.

Хаджи подумал еще немного. И затем...

— Ах.

Но и это не подходит. Они переставили порядок купания всего полмесяца назад.

Мне нужно отнестись к этому серьёзно, — подумал он, откладывая газету в сторону.

— Понятно, — наконец сказал он.

— Ты нашел ответ?

— Нет, не имею ни малейшего представления. ...Ай! Ч-что ты делаешь, Микоку?!

— Микоку, это был подходящий момент для цуккоми, но получить солонкой, наверное, слишком больно.

Хаджи подхватил солонку перед тем, как она упала на пол, и насыпал в свою пасту немного соли.

Микоку индифферентно продолжала есть с другой стороны стола.

— Микоку, в последнее время ты со мной особо не общаешься.

— Швырять в тебя вещи — более быстрый способ коммуникации, чем слова.

— Вот как, — сказал Хаджи, кивая.

У старшей девочки, похоже, недавно начался переходной возраст. Он попытался подумать о причинах.

— Это потому что... как там их зовут? Вторичные половые признаки? Это, должно быть, прелестно. Я вспоминаю, как попадал в различные неприятности, под влиянием своих гормонов. В этом все дело? В этом, да? Нгх!

— Прости, отец. Мне показалось, ты хотел, чтобы я передала тебе перец. — Затем она повернулась к Сино. — Сино, если это продолжится, я достигну третьей стадии в «недовольна — раздражена — зла».

— Ох, точно. Отец, во имя мира в нашем доме, я перейду сразу к делу: мы можем быть свободны сегодня днем?

Держа в руках перечницу, Хаджи уставился в потолок.

...Это еще с чего?

Армия использовала немало людей и занималась различными видами деятельности. Однако...

— В последнее время все на фабрике под Такао занялись техобслуживанием и наладкой Алекса. И Отряд Левиафана сегодня направляется в Концептуальное Пространство в Мемориальном Парке Сёва, но нам там делать нечего. Ты об этом говоришь?

Хаджи кивнул на собственный вопрос.

Когда наладка закончится, для Армии не останется текущей работы. До тех пор, пока Отряд Левиафана не закончит свои переговоры со 2-м Гиром, не останется ничего, кроме как отправиться с небольшой группой на контакт с остатками прочих Гиров.

— Ясно, — пробормотал Хаджи, перед тем, как снова кивнуть. — Ну, один день можно и освободить.

— Правда?

— Я не могу отказать. Я не настолько невнимательный, чтобы остановить дочерей, которых получил по завершению всего. Это специальный сервис вашего приемного отца.

— Ура! Большое тебе спасибо.

— Но постарайтесь отныне предупреждать меня за ночь до этого, хм? К тому же, не забудьте сообщить остальным. Твоя тренировка с Тацуми не для того, чтобы просто убить время, хорошо? — сказал Хаджи с улыбкой.

Сино кивнула и сама улыбнулась в ответ.

— Так чем же вы двое собираетесь сегодня заняться? Хм? — спросил он, увидев ее улыбку.

— Микоку сказала, что хочет немного пройтись по магазинам, и я подумала, что мы можем зайти в ближайший супермаркет, где я могу найти себе что-нибудь почитать.

Сино повернулась к Микоку и замерла.

В какой-то момент Микоку поставила на стол свою солонку с кунжутной солью. Теперь она держала ежедневную газету.

— Э-э, Микоку? Почему ты смотришь на страницы магазинов в Харадзюку и Сибуе?

— Потому что мы сегодня собираемся туда. Нам нужно пополнить вещи первой необходимости, следовательно, придется многое закупить.

— Секундочку. Ты сказала, что мы лишь немного пройдемся по магазинам. Ты хоть представляешь, как долго придется тащиться с Хатиодзи отсюда до Харадзюку и Сибуи? Стой, не добавляй еще и Синдзюку в список! Где же это «немного»?!

— Это расстояние всего в тридцать километров, и практически без каких-либо препятствий. Это не вызовет трудностей. — Микоку повернулась к Хаджи. — Ладно, отец. Я сопровожу Сино в ее поездке по магазинам.

— Э? А я надеялась обратно ехать, не торопясь. И ты явно находишь себе оправдания, — жаловалась Сино.

— Не переживай об этом. Теперь, нам нужно отправляться. Необходимо подыскать для тебя какое-нибудь снаряжение. ...Я вообще-то раньше никогда не была в Харадзюку. Надеюсь, у них там есть мои размеры. Я невероятно взволнована и в то же время полностью владею собой.

— ...Микоку. Постарайся не смешивать вот так свои оправдания и истинные намерения, — предупредил Хаджи.

Микоку подняла свое улыбающееся лицо от журнала.

— Как насчет того, чтобы пойти с нами, отец? Ты можешь понести наши сумки. Считаю это специальным сервисом для своих приемных дочерей.



На крыльце поместья Тамия сидел Синдзэ Сецу.

Сидел под теплым солнцем, попивая сливовый чай, который принес ему Кодзи. Во дворе перед ним его одноклассники занимались приготовлениями для Фестиваля Всеобщего Отдыха.

Ученики конструировали прилавки, используя дерево, металлические трубки и прочие материалы.

Между ними блуждала Ооки, но ученик, на спине которого была бумажка с надписью «управляющий», следовал за ней в качестве гарантии, чтобы она ничего не испортила.

Саяма ушел со словами, что у него есть дела, связанные со школьным советом. Он сказал, что встретится с Изумо и Казами в Татикаве.

Рядом с Сецу сидел одинокий старик.

Его звали Хиба Рютецу.

Он держал в Окутаме додзё боевых искусств под названием Хиба Додзё, и был другом деда Саямы.

Правый глаз старика сиял алым цветом.

Синдзё разговаривал с ним о Саяме.

— У этого балбеса Микото начался бунтарский период, когда он вступил в среднюю школу. Он был тогда таким милым. Если ты его бил, он всерьёз говорил тебе «спасибо за урок».

— Э-это довольно суровый тренинг.

— Не особо. Я был с ним мягок. Например, взять тот случай, когда он впервые пришел ко мне в додзё. Он был новичком, потому я потащил его в горы.

— И Вы тренировались там?

— Нет. Я столкнул его с края утеса. Когда он и вправду упал, я запаниковал и убежал домой. Я дрожал всю ночь в моем футоне, ожидая появления копов. Ха-ха-ха.

— Это совсем не смешно! Это покушение на жизнь!

— Ой, да ладно, — Рютецу почесал затылок. — Говорят же, что львы сбрасывают своих детенышей на дно ущелья, да? Я знал, что такого случая больше не представится, потому просто не смог удержаться. Кончилось, кстати, тем, что позже я сделал это еще три или около того раза.

— Э... Я проигнорирую все проблемы, связанные с этим, но что произошло с Саяма-куном?

— Он возвращался живым каждый раз и пытался убить меня во сне. Само собой, я избивал его до тех пор, пока он не мог подняться. Затем, мы ели. Я поражался, как он умудрялся еще есть после всего этого.

— Мне кажется, я понимаю, почему Саяма-кун такой, какой он есть, но что Вы думаете о нем

сейчас?

— Ему нужно продолжать расти. Он все еще нам не ровня.

— Нам?

— Людям, вызвавшим его боль здесь.

Рютецу положил руку на левую грудь.

Синдзё не заметил в его алом глазу злобы.

Такой красивый, — подумал Синдзё. — Он напоминает глаз женщины.

После чего Синдзё осознал, что смотрит на его глаз слишком долго.

— И-извините, что я так уставился.

— Ничего. Взгляд юнца вроде тебя заставляет меня краснеть, — затем Рютецу выдал горькую улыбку. — Но мне бы хотелось, чтобы Микото преодолел множество разных вещей... Ты слышал, что комната в его доме, где он жил с матерью, никогда не открывается, да?

— Да.

— Этот балбес, наверное, доставляет тебе немало хлопот?

— Я не уверен, стоит ли называть это «хлопоты», но он делает множество вещей, о которых я не знаю, что и думать...

— Тебе не нужно на этих словах безучастно глядеть вдаль.

Синдзё горько улыбнулся.

— Я всегда был в одиночестве, так что иметь поблизости Саяму-куна оказалось довольно весело. ...Мало того, что когда-то давно я был одинок, но меня к тому же и предали.

— Предали?

— Однажды я был один, и никто за мною не пришел, — ответил Синдзё. — Человек,

смотревший за мной на базе, сказал, что кто-то непременно за мной придет, но никто так и не пришел. ...Воспоминания о моем одиноком плаче до сих пор стоят перед глазами.

— У нас есть привычка запоминать неприятные вещи, — произнес Рютецу со спокойной улыбкой.

Затем Синдзё заметил нечто похожее на шрам над и под правым веком старика. Из-за его загара сложно было сказать, что это такое.

...В его прошлом наверняка тоже что-то произошло.

Синдзё неожиданно задумался, как сильно бы заболела грудь этого человека, если бы размышления о прошлом влияли на него так же, как и на Саяму.

Однако этого никогда не случится.

Синдзё сделал глоток сливового чая, и Рютецу задал ему вопрос:

— А что ты думаешь о себе сейчас?

— О, теперь я определенно чуточку изменился. В прошлом я только и делал, что ждал, но сейчас у меня такое чувство, будто ждать недостаточно. И все же...

— Что?

Синдзё почувствовал, как опустил голову.

— Я пришел сюда, чтобы помочь с раной Саямы-куна, но теперь она зажила. Мне следует в скором времени его оставить. Моё беспричинное присутствие здесь будет его утруждать.

— А ты спрашивал, будет ли это его утруждать?

— Я боюсь спрашивать.

Вот почему он мог лишь думать о причине, по которой пришел изначально.

Как только эта причина исчезнет, ему придется уйти.

— Вот как, — сказал Рютецу, — Ну, тебе следует об этом поразмыслить. Кстати говоря, я видел, как ты передал что-то Микото перед тем, как он ушел. Не прочь сказать, что это было?

— Папка для бумаги. Там содержится сюжет для книги, которую я планирую когда-нибудь написать.

— Книги? Литература — замечательная вещь. Вилла в Каруидзаве, горные вершины, широко распростертые небеса и тихие ночи...

— У меня такое чувство, что недавно я уже слышал нечто подобное...

— Ха-ха-ха! Это сказал тот балбес Микото, да?

Рютецу рассмеялся и, неожиданно, потянулся и погладил Синдзё по голове.

— Ну, дерзай. Похоже, ты из тех, кто очень упорно старается.



Саяма, Изумо и Казами ехали в поезде к Татикаве. Изумо и Казами обычно отправлялись вдвоем на мотоцикле, но Казами хотела обсудить несколько тайн, связанных с Яматой.

— Саяма, тебе и правда стоило уходить, пока твои одноклассники работают над прилавком?

— Путь Левиафана превыше всего, Казами. И там не о чем волноваться. В этом году, Мистер Ким не единственный специалист, оказывающий нам помощь. Братья Мышцековы из старой Советской Армии также отозвались помочь. Глядя на их фамилию, я рассчитываю, что они довольно сильные.

— У меня предчувствие, что прилавок твоего класса будет выглядеть как гигантская металлическая масса.

— Ха-ха-ха. Ты можешь хвалить нас заранее сколько пожелаешь. Меня больше волнует то, что пришлось оставить позади Синдзё-куна. Похоже, он не в духе. Но...

— Но что? — спросила Казами.

Саяма улыбнулся, и показал черную папку в левой руке.

— Хе-хе. Синдзё-кун доверил мне свои секреты. Содержимое, должно быть, полнится... ах... Не думаю, что смогу больше устоять!

— Прекрати раскачиваться туда-сюда, придурок, — вклинился Изумо. — Разве ты не говорил, что это сюжет романа, который он собирается написать? Сомневаюсь, что там и близко есть

что-нибудь волнующее, как ты думаешь.

— О? Ты завидуешь тому доверию, которое сформировалось между мной и Синдзё-куном? Тогда, я подарю тебе один лишь шанс, Изумо.

— Шанс на что?

— Один лишь в жизни шанс заслужить мое доверие. Каждое утро поднимайся на крышу своего общежития и восклицай следующие слова: «Саяма-сама №1 во вселенной! Я посвящаю свою жизнь ему!» Если ты продолжишь это делать сто дней подряд... Стой, почему ты и Казами вместе отвернулись в окно? Это серьёзная дискуссия.

— Каку, не дай ему на тебя повлиять. Не хватало, чтобы ты стал еще страннее, чем сейчас.

— Не волнуйся. Чаша моей терпимости заполнена до краев, и только поверхностное натяжение удерживает ее от того, чтобы переполниться. Ничего больше не влезет.

— Звучит, как сложная ситуация, — прокомментировал Саяма.

— И кто, по-твоему, в этом виноват?!

Так или иначе, они продолжили разговор.

Казами изложила следующие загадки:

1. Имя Яматы не ссылается на его профессию или положение в обществе.
2. Имя Сусаноо не изменилось, даже после того, как он вернул свой изначальный статус.
3. Также некоторая тайна, окружающая Кусанаги.

Их поездка в поезде должна была продлиться пятнадцать минут, пока они не придут в Мемориальный Парк Сёва.

Когда они начали обсуждение, Казами уверенно высказала свое мнение:

— Я раздумывала о вопросе Яматы, который Саяма слышал в своем сне. Это просто догадка, но мне кажется, что он спрашивает свое имя.



В конструкторском бюро на втором подземном уровне UCAT, Касима поднял взгляд от ноутбука.

Он осознал, что помещение опустело.

— Ох, все ушли в Мемориальный Парк Сёва, — пробормотал он себе под нос.

Заметив, как же вокруг тихо, он перевел взгляд на стол.

Там лежал карточный ключ.

Это ключ от 3-го Производственного Помещения, который передала ему Цукуёми.

— То, что я оставил, все еще ожидает там.

...И чего я вообще сейчас об этом думаю?

Чтобы прервать свои мысли, Касима неожиданно встал.

Он уставился на карточный ключ на столе с одной мыслью.

...Путь Левиафана.

Затем произнес слова, что следовали его неуверенным мыслям.

— Этот парень по имени Саяма в скором времени должен начать предварительные переговоры с Директором Цукуёми. Если они действительно пытаются узнать о 2-м Гире, они скоро должны понять, в чем заключается вопрос Яматы.

Касима положил руку на ключ.

— Какое у Яматы истинное имя?



В поезде, Изумо наклонил голову в ответ на слова Казами.

— Имя Яматы? Разве оно не «Ямата»?

— Ты вообще слушал? Почему змей, поглотивший божественный меч Кусанаги не получил

имени, отражающего эту роль? Я думаю это относится и к Ямате из 2-го Гира. Почему система, контролирующая биосферу 2го-Гира, получила имя «Ямата»?

На этих словах, брови Саямы немного зашевелились. Он все еще держал в руках папку Синдзё.

— Ранее ты сказала, что твое имя меняется, когда меняется роль. И система управления 2-го Гира вышла из-под контроля и стала огненным драконом. То есть ты хочешь сказать, что эта трансформация заставила его утратить старое имя, и получить имя жгучего огненного дракона Яматы?

— Да. С такой точки зрения, можно понять, почему Ямата разгневался на жителей 2-го Гира и не мог им верить, разве нет? Люди 2-го Гира заставили его утратить изначальное имя, потому он спрашивает у них, чем он изначально был. Другими словами, он просит их назвать имя мира, который был разрушен, когда они о нем позабыли.

— Значит, это гнев на уровне целого мира? Нешуточная ситуация.

— Но в таком случае, имя Яматы это простой вопрос, — промолвил Саяма.

Казами и Изумо несколько удивились.

Увидев это, Саяма удовлетворенно вздохнул и провел левой рукой по волосам.

— Хе. Если вы взмолитесь передо мной на коленях, я, может быть, вам расскажу.

— Хе-хе. Саяма? Ты знаешь, что божья кара может настичнуть людей даже в поездах?

— Теперь, в качестве особой услуги, я вам расскажу. В сущности, Ямата — это результат падения чего-то истинного на сторону зла. Подумай о том, что свершил Сусаноо, когда отсек зло Тоцукой, и произвел на свет его надлежащую форму.

— Ты хочешь сказать, что имя Яматы это Кусанаги? И имя «Ямата» ссылается на внешнюю форму, скрывающую его?

Казами выглядела одновременно удивленной и счастливой, но Саяма снова заговорил:

— Еще рановато расслабляться.

Казами бросила на него озадаченный взгляд.

— Э? П-почему?

— Казами, по-прежнему остается последняя загадка, связанная с Кусанаги. Слушай внимательно. У Кусанаги два имени. Когда его преподнесли на небеса, его имя изменилось на Амэ-но-Муракумо. Имя Кусанаги можно трактовать как прохладный бриз, веющий сквозь траву, следовательно, Муракумо может ссылаться на ветер, который приносит дождь.

— Погоди, погоди, погоди. Так какое же из них настоящее имя меча?

— Я не знаю, но это и есть вопрос, который у нас спрашивают. Это определит, рассматриваем ли мы 2-й Гир должным образом, или нет.

— То есть все зависит от того, выберем ли мы Кусанаги или Муракумо?

— Человек по имени Ооширо Хиромаса однажды дал правильный ответ и умер. Нам, возможно, следует немного о нем поискать. Мы должны разузнать, почему он был так привязан к своему ответу, что готов был рисковать ради него жизнью. — Саяма нахмурился. — Но я знаю ответ на одну из твоих загадок, Казами. Я знаю, почему имя Сусаноо не изменилось.

— Э?

Казами удивленно наклонила голову, и Саяма скорчил самодовольную мину.

— Имя Сусаноо может также ссылаться на героя, преподнесшего Кусанаги небесам. Оба имени, Кусанаги и Муракумо, связаны с ветром, следовательно, он обладал именем короля штормов. Воспроизведи ты его как Сусаноо или Сусаоо, имя короля ветров не изменится, пока он овладевает мечом ветра.

— Хм. Но это не поможет нам решить, какое же имя настоящее — Кусанаги или Муракумо, — произнесла Казами, выжав жесткую улыбку. — Мы найдем правильный ответ, правда?

— Не волнуйся. Я намереваюсь со всем столкнуться, и обнаружить ответ. Я неуязвим, ты знаешь?

— Может ты и № 1 во вселенной, в какой-то степени, но какое у тебя доказательство, что ты неуязвим? — спросил Изумо.

Глядя, как поезд останавливается у их станции, Саяма ответил:

— Не существует такой вещи, как доказательство неуязвимости. Но я неуязвим, поэтому ты можешь спать спокойно даже без доказательств.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274867>